

Концепция справедливой войны в контексте формирования национальной этики ведения военных действий

Характеризуя наступившую эпоху глобального противостояния, А.И. Владимиров в своей работе «Основы общей теории войны» отмечает: «Будет сформирована другая мораль войны и ее новое право. Это значит:

- каждая из сторон будет иметь и руководствоваться исключительно собственными представлениями о морали и праве войны;
- нация должна выработать свою собственную этику ведения войны и новые собственные (возможно, информационно-рекламные) принципы ее ведения;

Шашкин Павел Александрович —

доцент факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший научный сотрудник Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат философских наук.

УДК 172.4

Идейно-теоретическое обоснование насилия и его крайней формы — войны имеет солидную философско-политическую базу. Тем не менее особую остроту приобретает этот вопрос в наше время. Не в последнюю очередь это связано с тем, что существенный сегмент противоборства смещается в сферу идейно-политического воевания — войн смыслов, направленных на подавление воли противника к сопротивлению. Войны так называемого четвертого поколения — асимметричные и гибридные, войны «всех против всех», в условиях утраты монополии на насилие со стороны государственных институтов и все возрастающей мощи негосударственных и смешанных (государственно-частных) военизированных систем потребуют и нового прочтения понятий справедливости и сакральности войны.

Ключевые слова

Этика войны, воевание, справедливая война, военная доктрина, агрессия.

- основой нового права войны будут: официальное, постфактум, оформление результатов войны (поскольку физическая война будет завершать и оформлять результаты войны смыслов. — *Примеч. авт.*), формирование агрессивной (активной) стороной временных правовых основ конкретной войны явочным и инициативным порядком, *полное пренебрежение к любым правилам и ограничениям войны, имеющимся в современном международном праве* [1, с. 404].

Этика войны всегда играла принципиальную роль в противоборстве, определяя моральную устойчивость сторон конфликта, их способность не только материально, но и психологически подавлять волю противника. В гибридной войне и войне смыслов верное обоснование насилия становится стратегически важным аспектом, от которого прямо зависит исход противоборства. В современных

типах войн, содержащих существенный информационно-психологический сегмент, субъекты (государственные и негосударственные) руководствуются нередко диаметрально противоположными идеологиями оправдания силового воздействия, от которых в решительной степени зависит исход противостояния. Как справедливо утверждает М. ван Кревельд: «Война — это прежде всего вопрос моральной стойкости».

В связи с этим возникают очевидные вопросы: насколько декларируемое мировым сообществом отрицание войны как безусловного зла и одновременно провоцирование и ведение военных действий, как привило, без всякого объявления войны либо прямо в нарушение международно-правовых норм сказывается на этике войны? Насколько можно говорить о моральной стойкости воюющей стороны в ситуации, когда сама война независимо от того, справедли-

ва она или нет, теоретически осуждается национальным правительством и международными институтами как антигуманный и вынужденный акт? Исключение составляет собственное право на самооборону, когда открытая силовая агрессия становится очевидным и, как правило, завершающим этапом в войне.

Как мы уже говорили в статье, посвященной государственно-частным военизированным системам [2], объективное понимание цели справедливой войны в классической европейской традиции сводится к *противостоянию цивилизации варварству*. В этом сущность консервативного традиционного смысла воевания и *идейная основа наступательной стратегической культуры, основанной на моральном превосходстве справедливой силы для утверждения порядка и пресечения разрушительных для цивилизации действий*.

Окончательное решение в отношении того, является война агрессией или нет, оставляется за Советом Безопасности ООН, то есть клубом великих держав и их союзников, среди которых, как показывает практика, имеются потенциальные агрессоры.

Причина же текущего кризиса международного военного права коренится, как нам представляется, в том числе и в кризисе морали и разрушении названной традиции, в чем не последнюю роль играет кризис концепций пацифизма, носящих явно декларативный и двучленный характер и направленных, как правило, на подавление воли потенциального противника к сопротивлению. В этом контексте пацифизм как принципиальное отрицание войны является не чем иным, как технологией психологической войны. С этим, на наш взгляд, связана и сознательно смоделированная путаница понятий *агрессивной войны как войны наступательной и войны справедливой как исключительно войны оборонительной*.

Нисколько не оправдывая агрессию как преступление против мира и безопасности, но стараясь быть объективными, обратимся к истории вопроса о справедливости войны.

Моральный критерий разделения войн на справедливые и несправедливые в европейской традиции восходит, несомненно, к античному и средневековому наследию. А.И. Владимиров, в частности, отмечает: «Идея „справедливой войны“, восходящая к Ветхому Завету (между прочим, неотъемлемая часть священного предания Православной и Католической церквей. — *Примеч. авт.*) и св. Августина, получила теоретическое оформление в XII–XIII вв. в тру-

дах Грациана, декреталистов и Фомы Аквинского. В позднем средневековье ее разработку продолжили неосхоласты, Мартин Лютер и Гуго Гроций. Она вновь приобрела актуальность в XX в., особенно в связи с появлением оружия массового уничтожения и проблемой „гуманитарных военных акций“, призванных остановить геноцид в той или иной стране» [1, с. 382].

Тезис первый: пацифизм изначально чужд европейской традиции войны и несовместим с нею. Последняя восходит еще к античному наследию, утвердившему правовые понятия «справедливой войны» и «торжественной войны». Впоследствии эти понятия были переосмыслены христианским богословием и философией — им, собственно, мы и обязаны появлением понятия «священная война». «Справедливая война», «священная война» — базовая составляющая европейской культуры.

Священная война понимается в данном случае как защита вечных ценностей и основополагающих принципов права, высший акт действенной духовности и решительности в достижении высших стратегических смыслов и целей, «путь героев и богов». В индоевропейской традиции справедливая война носит характер сакрального действия и является «видимым признаком духовности и решительности — тех качеств, отсутствие которых как раз более характерно для настоящего варварства» [3, с. 10, 12].

Следует, впрочем, отметить, что война для европейца не самоценна, она лишь крайнее средство восстановления попорченного порядка и справедливости. «Ни внешне, ни внутренне война не может быть последним словом; она скорее является средством завоевания силы, столь же умиротворенной, сколь совершенной и неосязаемой. Выше мистицизма войны, как в высшей арийской концепции, так и в римской, находится мистицизм победы» [3, с. 36]. *Таким образом, военная сила в европейской традиции — только крайний и окончательный аргумент справедливого восстановления порядка вещей и защиты цивилизации: Гуго Гроций пишет: «Иногда в настоящее время хитрость предпочтительнее доблести; но только тот считается покоренным окончательно, кто вынужден признать, что победа над ним одержана не искусством, не случайно, а благодаря превосходству сил в справедливой и благочестивой войне, — и продолжает: «Мы чи-*

Афина — богиня мудрости и справедливой войны

таем также в „Летописи“ Тацита (кн. II) о последующем времени: „Римский народ не отмицает своим врагам ни хитростью, ни тайно, но открыто и с оружием в руках“ [4, с. 592].

Само отрицание войны как формы восстановления естественного права и порядка и осуждение как зла представляется, таким образом, противоестественным и противоречащим праву народов и европейской традиции, в том числе и фундаментальному европейскому принципу — верховенства права. Более того, оно влечет за собой губительные последствия в плане нивелирования самих основ права и морали, поскольку их защита возможна и оправдана не всегда только несилowymi, но и принудительными способами (при предпочтении первых до определенных границ, не более).

Гуго Гроций в своем труде «О праве войны и мира» упоминает главную причину, дающую основание отличать войну справедливую от несправедливой: восстановление нарушенного права, если исчерпаны либо отсутствуют иные несилловые способы его восстановить, например, через обращение в суд.

Говоря о справедливых причинах войны, он предлагает следующую классификацию причин войн, которые были начаты «с достаточным основанием»: «Справедливой причиной начала войны может быть не что иное, как правонарушение. „Несправедливость противной стороны навлекает справедливую войну“, — сказал тот же Августин <...> — Большинство авторов выдвигают три справедливые причины войны: самозащиту, возвращение имущества, наказание... (воздаяние равным за равное. — Примеч. авт.)» [4, с. 186–187].

Все три причины, как мы видим, не предполагают мирного раз-

решения спора, постольку поскольку мотивированная любой из них правая в споре сторона конфликта не может, как правило, разрешить его без силового вмешательства. А именно: 1) в случае нападения — защищаясь, 2) в случае незаконного изъятия имущества — возвращая его силой, 3) в случае нанесения существенного ущерба (террористического акта, например) — наказав виновного. Все три причины носят характер ответного действия на насилие противника — как открытое (агрессия), так и скрытое (необъявленная война) — и потому справедливы. Причины войны обратного порядка, соответственно, несправедливы, и такая война не может быть признана справедливой и тем более «священной».

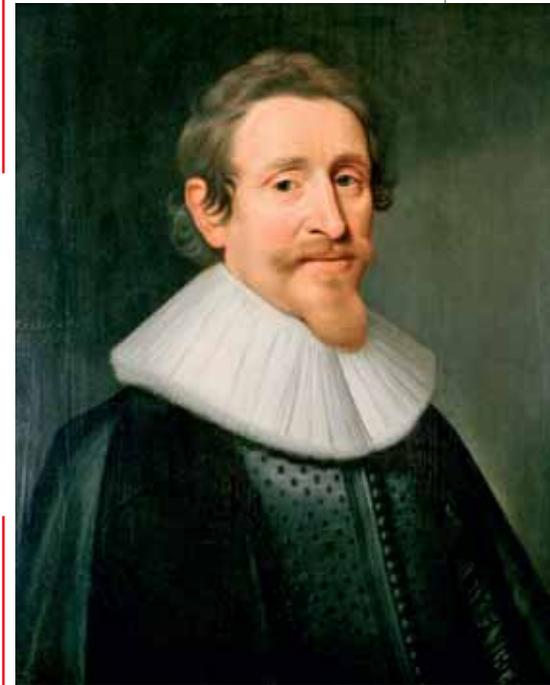
Гроций дает подробную ретроспективу (и приводит конкретные исторические примеры) традиционного деления войн, в том числе пишет о войне торжественной и неторжественной, публичной и частной.

Публичная война всегда ведется народом и (или) государством.

Частная война — это вооруженное столкновение воли и интересов частных лиц, не имеющее отношения к сфере противоборства народов и государств. Тем не менее она также может иметь справедливый либо несправедливый характер по тем же основаниям (самозащита, восстановление права).

Торжественная война ведется верховной государственной властью с обязательным условием ее публичного объявления, то есть декларированием опять-таки справедливых причин и целей войны.

Неторжественная война может вестись верховной государственной властью и без формального объявления, но ради достижения очевидных целей,

Гуго Гроций

таких как возвращение несправедливо отнятого, в том числе территории, наказание виновной стороны за враждебные действия, которые могут быть приравнены по своим последствиям к военным действиям, и самооборона в случае нападения.

Справедливая война, всегда публичная, ведется открыто и с объявлением ее мотивов и целей, но может быть как объявленной официально, так и ведущейся по факту без официального объявления, но имеющей декларируемые публично справедливые причины.

Гроций пишет: «Война публичная бывает согласно праву народов или торжественная, или же неторжественная. Война, называемая мною здесь торжественной, обычно (*курсив авт.*) называется войной справедливой (законной) <...> многие ведь, плохо понимая смысл слова „справедливый“, полагают, что тем самым осуждаются как неправые и недозволенные все войны, которым не подходит наименование

справедливой войны. Для того чтобы война имела по праву народов торжественный характер, необходимы двоякого рода условия: во-первых, необходимо, чтобы с обеих сторон война велась волею тех, кто в государстве облечен верховной властью, а затем — чтобы соблюдались известные обряды, о которых речь будет в своем месте. То и другое требуется совместно, оттого что одно недостаточно без другого» [4, с. 123].

Под известными обрядами понимается здесь обоснованное и официальное объявление войны: «Цицерон <...> пишет: „Справедливый порядок ведения войны был весьма торжественно предписан у римского народа правом фециалов. Отсюда следует заключить, что война может быть справедливой лишь тогда, когда она ведется для возвращения того, что принадлежит ее объявителю, или по предварительном объявлении и предупреждении“. Более кратко сказано древним автором у Исидора: „Справедлива та война, которая ведется по объявлению, для возврата принадлежащего или ради отпора врагам“» [4, с. 609].

Одновременно Гроций отмечает: «Публичная же война неторжественная (не объявленная официально. — Примеч. авт.) может быть свободна от тех обрядов и церемоний, может вестись против частных лиц и властью любых должностных лиц в государстве. А стало быть, если отвлечься от внутригосударственных законов, по-видимому, каждое должностное лицо как для защиты вверенного ему народа, так и для осуществления актов власти располагает правом ведения войны, если встретит сопротивление. Но так как война может создать опасность для всего государства, то законами почти всех народов предусмотрено, что войну можно вести не иначе как по повелению

тех, кто облечен верховной властью» [4, с. 123].

Как видим, война (за исключением войны государства против государства), по мнению Гроция, может вестись законно, в том числе и путем делегирования права ее вести высшей государственной властью иным лицам, что особенно актуально в наше время, когда в войне участвуют как государственные, так и негосударственные либо смешанные военизированные системы, комбатанты и некомбатанты. «Но может случиться и так, что в обширном государстве власть начинать враждебные действия предоставлена подчиненным органам; при таких условиях без колебания следует считать, что такая война ведется верховной властью, так как если кто-нибудь поручает другому право выполнять что-нибудь, то сам он и считается виновником последнего» [4, с. 124–125]. Таким образом, достаточно санкции властей как признанного государства, так и непризнанного или повстанческого режима на ведение военных действий (причем необязательно оформленной законодательно) любому уполномоченному лицу для признания таких военных действий публичной войной *de facto*.

Войны всех перечисленных типов могут носить и справедливый, и несправедливый характер в зависимости от конкретной ситуации. Отличая справедливые войны от несправедливых, Гроций особо подчеркивает разницу между предложениями войн и их подлинными причинами (истинными намерениями и целями сторон в войне), которые часто могут не совпадать. Он отдает предпочтение войнам, справедливым по сути, а не по формальному поводу, который может быть искажен [4, с. 526–533].

В любом случае справедливость войны (объявленной официаль-

но либо ведущейся по факту) должна быть публично заявлена и обоснована с позиции этики и, как следствие, может быть подвергнута критике на предмет соответствия заявленным предлогам войны ее подлинным причинам и целям. Война необъявленная и в то же время ведущаяся без декларирования причин и целей не может рассматриваться как справедливая ни при каких обстоятельствах — это есть не что иное, как агрессия, то есть публично немотивированное и разбойничье по сути нападение.

Тезис второй: оборонительная и наступательная войны не тождественны войнам справедливой и агрессивной.

Конечно, своего рода ордалия — силовой поединок между государствами и народами — в классическом варианте ушла в прошлое. Изменились субъекты, изменились формы и методы. Но

суть вещей остается неизменной. Очевидный факт неистребимости войн, проистекающих из человеческой природы, говорит о том, что необходим гораздо более совершенный правовой механизм их регулирования, чем тот, что действует сейчас: он просто «запрещает» войну как таковую, объявляя ее абсолютным злом, и одновременно не регулирует эффективно порядок открытия военных действий даже при наличии очевидных оснований применения силы. К тому же этот правовой механизм крайне несовершенен и не имеет здравого морального обоснования применения силы при наличии очевидной опасности для цивилизации в условиях столкновения с противником — носителем ценностей и идеологии, кардинально отличающихся от «общечеловеческих». Итог — многочисленные войны постфактум и гуманитарные интервенции в обход действующих норм международного права.

Изъян, на наш взгляд, коренится в том, что официальное объявление войны рассматривается сегодня как очевидный факт агрессии по определению, а равно в том, что нет общепризнанных правовых критериев различения войн превентивных и войн утраждающих. Как известно, согласно действующим нормам международного права, справедливые войны — исключительно оборонительные и ведутся только в защиту независимости, суверенитета и национальных интересов государствами, подвергнувшимися нападению, а равно повстанцами, борющимися против колониальных и расистских режимов (в рамках права народов на самоопределение); несправедливые — попадающие под международное определение агрессии. Однако окончательное решение в отношении того, является война агрессией или нет, оставляется за Советом Безопасности ООН, то есть клубом великих держав и их союзников, среди которых, как показывает практика, имеются потенциальные агрессоры.

Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г., дающая развернутое определение агрессии исходя из действующего Устава ООН, декларирует, что:

- одной из основных целей ООН является поддержание международного мира и безопасности и принятие эффективных коллективных мер для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии и других нарушений мира;
- согласно ст. 39 Устава ООН, Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и дает рекомендации или решает, какие меры следует предпринять в соответствии со ст. 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности;

- в обязанность государств по Уставу ООН входит разрешать свои международные споры мирными средствами, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость;
- в обязанность государств входит не использовать вооруженную силу в целях лишения народов их права на самоопределение, свободу и независимость или нарушения территориальной неприкосновенности.

Собственно агрессия определяется как наиболее серьезная и опасная форма незаконного применения силы, таящая в себе в условиях существования различных видов оружия массового уничтожения (ОМУ) возможную угрозу мирового конфликта со всеми его катастрофическими последствиями. Так, ст. 2 той же резолюции гласит: «Применение вооруженной силы государством первым в нарушении Устава является *prima facie* свидетельством акта агрессии, хотя Совет Безопасности может в соответствии с Уставом сделать вывод, что определение о том, что акт агрессии был совершен, не будет оправданным в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера».

Статья 3 резолюции перечисляет действия, которые независимо от объявления войны с учетом и в соответствии с положениями вышеприведенной ст. 2 будут квалифицироваться в качестве акта агрессии:

- вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы

территории другого государства или части ее;

- бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;
- блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;
- нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы либо морские и воздушные флоты другого государства;
- применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращению действия соглашения;
- действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;
- засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь

серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

Статья 5 резолюции квалифицирует агрессию как преступление против международного мира, влекущее за собой соответствующие правовые последствия, и декларативно утверждает, что «*никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии*».

Наконец, ст. 7 по сути оправдывает воевание иррегулярными формированиями и некомпатантами при определенных условиях. «Ничто в настоящем определении, и в частности в ст. 3, не может каким-либо образом наносить ущерба вытекающему из Устава праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в частности народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства, а также праву этих наро-

дов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава и согласно вышеупомянутой Декларации» [5].

Вместе с тем приведенные положения вступают в явное противоречие с III Гаагской конвенцией об открытии военных действий 1907 г., которая допускает применение вооруженной силы государством первым, устанавливая, что военные действия между государствами не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое может иметь форму либо мотивированного объявления войны, либо ультиматума с условным объявлением войны (полностью в духе традиционного понимания «торжественной войны»). Эта норма продолжает действовать и в современных условиях. Однако в соответствии с вышеприведенным определением агрессии, принятым Генеральной Ассамблеей ООН, факт объявления войны, которая не является актом самообороны, согласно ст. 51 Устава ООН, не превращает войну противоправную в войну законную, а рассматривается как акт агрессии. Право на установление факта совершения агрессии, как говорилось выше, принадлежит Совету Безопасности, и в случае установления такового факта он получает основания для использования своих полномочий по ее пресечению. Но сам факт объявления войны уже становится международным преступлением... [б, с. 537].

Результатом подобного подхода явилось то, что войны стали вестись безо всякого объявления войны и, следовательно, в основном без декларирования их объективных причин и целей как таковых. Это тем более удобно, что субъектами войн становятся не только государства, но и воензированные системы и группировки разных уровней (ко-

торым в том числе государства *de facto* делегируют свои полномочия вести войны), а также некомбатанты, признаваемые таковыми по действующему праву войны. Представляется, что эта тенденция будет только усиливаться в условиях стремительной эрозии национальных государств и приведет к окончательной деградации формировавшейся столетиями этики и права войны.

Сегодня объявление войны, даже если оно не сопровождается боевыми действиями, влечет за собой начало юридического состояния войны и является преступлением. Вместе с тем фактическое начало военных действий между государствами не обязательно ведет к наступлению состояния войны, тем более между негосударствами. Объявление войны — это всегда акт агрессии, а фактические военные действия — агрессия только в случае признания их таковой Советом Безопасности ООН.

Таким образом, окончательное решение по поводу того, является ли наступательная война агрессией, в том числе ее разновидностью — превентивной войной (перед лицом очевидной, но предполагаемой и будущей опасности) или упреждающей войной (вынужденным и оправданным применением силы перед лицом очевидной и наличествующей в данный момент опасности), остается за Советом Безопасности ООН, что активно используется в условиях отсутствия четких правовых критериев для оправдания разного рода «гуманитарных интервенций». Однако вопрос этики — ключевой вопрос легитимизации войны, ее истинных целей и причин — по-прежнему остается за скобками. Предположим, что возможная в будущем реформа ООН и реорганизация ее органов приведет к легализации единой позиции мирового сообщества по данному вопро-

су, в том числе позволит выработать новый механизм объявления справедливой войны для чрезвычайных обстоятельств, угрожающих самому существованию цивилизации. Однако по факту *переход к новому этапу «права войны» уже состоялся, он характеризуется тем, что право законно, а следовательно, и справедливо, вести войну ограничено, право вести войну фактически не ограничено почти ничем, декларировать справедливые цели войны — преступление, а прикрывать истинные цели войны надуманными предложениями — норма.*

Таким образом, *кризис международного права войны выражается в практике двойных стандартов, декларативном пацифизме, при одновременном сохранении норм, прикрывающих и оправдывающих агрессию и не делающих различия между войнами превентивными и упреждающими.*

В этих условиях, возвращаясь к озвученной А.И. Владимировым необходимости формирования собственной российской национальной этики ведения войны, *принципиально важно дать ясное и обоснованное идей-*

но-политическое определение понятию упреждающей войны и сформулировать, в чем состоит его отличие от войны превентивной, чтобы не столкнуться с фактом запоздалого реагирования на открытую агрессию противника, как это не раз уже случалось в истории России. Война упреждающая, в том числе и наступательная, всегда справедлива, если движима очевидной целью — восстановлением нарушенного права и справедливого миропорядка. Для этого совсем не обязательно ждать открытой агрессии со стороны противника, особенно в современных условиях, когда открытая военная агрессия лишь завершающий этап гибридной войны.

Собственную позицию в этом вопросе уже имеют США. Пользуясь своим доминированием, они открыто утверждают принцип исключительной легитимности и реализуют практику смешения понятий превентивных и упреждающих войн, опираясь на собственную национальную этику войны. «Мы должны подавать пример другим, выполняя взятые на себя обязательства лидера в рамках международного права и демонстрируя миру, что возможно обеспечивать бе-

зопасность, *твердо руководствуясь собственными ценностями и принципами*», говорится в Стратегии национальной безопасности США 2015 года [7].

Справедливым видится мнение, что в данной редакции Стратегии принцип международной законности заменяется принципом упреждающих акций в отношении террористов и государств, представляющих угрозу «новому мировому порядку», опираясь на который распространяется практика превентивной войны против всех, кто угрожает американским интересам и ценностям, при одновременном декларировании права на односторонние действия по защите и продвижению интересов США в мире.

России, которая не претендует на роль международного жандарма, этот путь не подходит, но *имеется насущная необходимость выработать собственное понимание наступательной войны, не сводя всю аргументацию к оборонительности*. Первые шаги в этом направлении, как представляется, уже сделаны.

В Военной доктрине Российской Федерации 2014 г. [8] полностью в духе Устава и других правовых актов ООН отмечается: «Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, положено в основу военной политики Российской Федерации». Однако в разделе документа «Применение Вооруженных Сил, других войск и органов, их основные задачи в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время» говорится: «22. Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных Сил, других войск и органов для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации». Поскольку мы видим, что на практике *принципы*

и нормы международного права могут трактоваться довольно широко, то появляется возможность морального обоснования упреждающей войны, в том числе гибридной, для защиты своих граждан, а следовательно и их законных прав и интересов за рубежом, и по отражению агрессии, в том числе враждебных действий, перечисленных в ст. 3 резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН 1974 г., даже и без решения Совета Безопасности ООН.

Далее п. 23 Военной доктрины гласит: «Применение Вооруженных Сил, других войск и органов в мирное время осуществляется по решению Президента Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законодательством. При этом применение Вооруженных Сил, других войск и органов осуществляется решительно, целенаправленно и комплексно на основе заблаговременного и постоянного анализа складывающейся военно-политической и военно-стратегической обстановки». *Иначе говоря, военная сила может быть применена*

в целях нанесения упреждающего удара, в том числе и внезапного, не обязательно предполагающего официальное объявление войны.

Об этом же говорится и в п. 31 «Об оперативности использования Вооруженных Сил за рубежом»: «В целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности формирования Вооруженных Сил могут оперативно использоваться за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации и федеральным законодательством».

Кроме того, Россия оставляет за собой право применения ОМУ в исключительной ситуации и, что очевидно, по мере необходимости без какого-либо заблаговременного предупреждения и умиротворения агрессора, как явствует из п. 27 Военной доктрины: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Иными словами, упреждающее применение силы справедливо и оправданно, если оно справедливо мотивировано национальной этикой ведения войны. Цели, причины и право войны формулирует в данном случае сам субъект войны и никто другой, поскольку единой наднациональной позиции в этом вопросе пока нет.

Абстрагируясь от общеизвестных принципов «справедливой

Разница в понимании морали, права и справедливости и есть первопричина любой войны.

войны» *jus ad bellum* (обоснованные причины и легитимные формы вступления в войну) и *jus in bello* (соблюдение норм справедливости и обычаев войны в ходе ее ведения), согласимся с точкой зрения А.И. Владимирова: «Человечество воевало всегда и, очевидно, будет воевать всю свою историю до тех пор, пока не наступит его Предел. В настоящее время общепризнанных норм военного права не существует. (Все попытки подвести единую философско-политическую основу под международное военное право ни к чему не привели, в том числе из-за принципиальной разности субъектов войны, их целей и моральных установок. Тем более это маловероятно в нынешней ситуации, когда эта разность возрастает в геометрической прогрессии. — Примеч. авт.)».

Реалии таковы: «Правила войны определяются победителем, все сопротивляющееся и побежденное подлежит уничтожению без правил» (золотое правило римлян: «Горе побежденным!»). — Примеч. авт.) <...> Правила войны нужны победителям (сильному, агрессору) только для нахождения причин и поводов к очередной войне, результаты которой будут усиливать его статус, возможности и выгоды <...> Современная редакция и практика применения (эксплуатация) правил войны есть лишь политкорректная необходимость, создающая условия, якобы дающие моральное право агрессору на его превентивные действия любой интенсивности в любое время, любыми средствами и против противника по его личному выбору <...> Жесткие правила войны не нужны воюющим, так как создают рамки воевания, снижаю-

щие эффективность самих военных действий».

Принципиально важные для нас выводы:

«В праве войны есть только один ясный закон — законов войны нет. В том числе и в войне по теории К. Клаузевица, и в конечном счете цель оправдывает средства».

Правил войны, понимаемых как ее правовое оформление (на данном историческом этапе. — Примеч. авт.), практически не существует.

Есть только ничем не ограниченное насилие, в котором главное: цель, целесообразность, решительность и политическая воля.

В войне стандарты бывают только двойные, так как в войне борются как минимум две стороны и объединить их единым правом невозможно (как правило, и единой моралью. — Примеч. авт.).

Окончательно формализовать право войны невозможно, но возможно создать правовую панель каждой конкретной войны.

Вслед за Макиавелли констатируем, что «справедливая война — это война вынужденная».

Ограничить насилие и войну не могут ни право, ни экономика, ни идеология, их может ограничить только и исключительно этика» [1, с. 657–658].

В связи с этим значение этики в войне заключается, на наш взгляд, в том, чтобы задать объективные и ясные критерии справедливости ведения войны, разделяемые основными цивилизо-

ванными странами, и укорененные в их культуре и менталитете. Ценности классической европейской культуры, в том числе и традиции этики ведения войны, единые, хотя и во многом по-разному понимаемые в России, других европейских державах, а также в США, выступают сегодня основой стратегической стабильности и единого вектора борьбы с общими угрозами цивилизации со стороны нового варварства.

Идейно-теоретическое обоснование войны в данном ключе должно содержать, на наш взгляд, следующие основные элементы.

Цель. Справедливая война есть крайняя форма восстановления права, порядка и справедливости как оборонительная, так и при наличии очевидной опасности наступательная. Отрицание необходимости вести войны как таковое есть запрет на восстановление порядка. Если стороны вооруженного противостояния руководствуются несовместимой моралью и ценностями, только военное противоборство дает шанс на справедливое и окончательное решение вопроса.

Целесообразность. Необходимы новые, закреплённые в международном праве критерии справедливого применения силы, способные обозначить «типовые» правовые панели разных видов войн, их причины и цели. Так, например, в случае с ядерной войной единственная морально обоснованная справедливая причина применения оружия массового уничтожения — только ответные действия на его применение и защита от угрозы самому существованию народа и государства (как это утверждает Военная доктрина РФ). К слову, сейчас это положение Военной доктрины может рассматриваться как преступное согласно Декларации о запреще-

нии применения ядерного оружия для целей войны, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 24 ноября 1961 г. В ней, в частности, говорится, что «любое государство, применяющее ядерное или термоядерное оружие, должно рассматриваться как нарушившее Устав Организации Объединенных Наций, действующее вопреки законам человечности и совершающее преступление против человечества и цивилизации» [9]. Необходимо также публично декларировать и морально обоснованные причины и цели ведения обычной войны, в том числе войны гибридной. Гибридная война — это ведь своего рода «гуманная война» (как «гуманная пуля»). Одновременно важно выработать и гибкий механизм делегирования полномочий вести гибридную войну, в том числе смешанным государственно-частным и частным военизированным системам, в зависимости от стратегической обстановки обладающим собственной этикой ведения войны, схожей с национальной этикой войны, но не дублирующей ее.

Решительность. В рамках собственно национальной этики войны необходимо делать акцент на решительности действовать исходя из своей собственной морали, но морали укорененной в классической общеевропейской культуре и традиции, в том числе в вопросах понимания справедливости. Разница в понимании морали, права и справедливости и есть первопричина любой войны. Но существует классическая культура и этика ведения войны, способная служить определенным ограничителем в столкновении цивилизаций, и одновременно общим стимулом к войне против варварства.

Наконец, в сфере духовной безопасности необходима *политическая воля* — решимость вести противоборство с внешними и внутренними противниками постоянно и целенаправленно, в том числе и за собственное понимание войны. Необходимо публичное моральное обоснование справедливой войны как высшего духовного действия, а не паци-

физм как умиротворение агрессора и технология подавления воли противника к сопротивлению. Важно *делает акцент на собственном понимании упреждающей войны и его отличии от превентивной войны, не сводя всю аргументацию к оборонительности*. Ведь наступательная стратегическая культура — наше общее духовное наследие, «мистическая доктрина борьбы и победы представляет собой светлую вершину нашей общей традиции действия» [3, с. 43]. ■

ПЭС 16045 / 21.03.2016

Источники

1. Владимирова А.И. Основы общей теории войны. М., 2013. Ч. I. С. 404.
2. Шашкин П.А. К вопросу об идейно-политическом обосновании создания государственно-частных военизированных систем в контексте стратегической наступательной культуры // Экономические стратегии. 2016. № 2. С. 36–53.
3. Эвола Ю. Метафизика войны. Тамбов, 2008.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994.
5. Определение агрессии [Электронный ресурс] // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.
6. Международное право: Учебник / Отв. ред. В.И. Кузнецов. М., 2001. С. 537.
7. Марин А. Стратегия национальной безопасности США [Электронный ресурс] // Pentagonus. URL: http://pentagonus.ru/publ/strategija_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha_2015/112-1-0-2614.
8. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская газета. 2014 (30 декабря). URL: <http://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.
9. Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия [Электронный ресурс] // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml.

The Concept of a Just War in the Context of Forming Warfare National Ethics

Shashkin Pavel Aleksandrovich

The Law and National Security Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Ideological and theoretical justification of violence and its extreme form — the war — has a solid philosophical and political base. Nevertheless, this question becomes especially acute nowadays. Not least due to the fact that a substantial segment of the confrontation is shifting into the sphere of ideological and political warfare — war of meanings aimed at suppressing the enemy's will to resist. Wars of the so-called fourth generation are asymmetric and hybrid ones, wars of “everybody against everyone”, in conditions of losing monopoly on violence by state institutions and increasing the power of non-state and mixed (public-private) paramilitary systems will require re-interpretation of the concepts of justice and war sacredness.

Keywords

The ethics of war, war waging, a just war, military doctrine, aggression.

References

1. Vladimirov A.I. *Osnovy obshchey teorii vojny* [Fundamentals of the General Theory of War]. Moscow, 2013, chast' I, p. 404.
2. Shashkin P.A. K voprosu ob ideyno-politicheskom obosnovanii sozdaniya gosudarstvenno-chastnykh voenizirovannykh sistem v kontekste strategicheskoy nastupatel'noy kul'tury [On the Issue of Ideological and Political Justification of Creating Public-Private Paramilitary Systems in the Context of Strategic Offensive Culture]. *Ekonomicheskie strategii*, 2016, no. 2, pp. 36–53.
3. Evola Yu. *Metafizika vojny* [Metaphysics of War]. Tambov, 2008.
4. Grotsiy G. *O prave vojny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow, 1994.
5. *Opreделение agressii* [Definition of Aggression], available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.
6. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Uchebnik. Otvetstvennyy redaktor V.I. Kuznetsov. Moscow, 2001, p. 537.
7. Marin A. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti SShA* [US National Security Strategy], available at: http://pentagonus.ru/publ/strategija_nacionalnoj_bezopasnosti_ssha_2015/112-1-0-2614.
8. *Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii* [The Russian Federation Military Doctrine]. *Rossiyskaya gazeta*, 2014, available at: <http://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>.
9. *Deklaratsiya o zapreshchenii primeneniya yadernogo i termoyadernogo oruzhiya* [Declaration on the Prohibition of the Use of Nuclear and Thermo-Nuclear Weapons], available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml.